

ТАТЬЯНЫ ПОЛЯКОВОЙ:

Деньги для киллера
Ставка на слабость
Тонкая штучка
Я – ваши неприятности
Строптивая мишень
Как бы не так
Чего хочет женщина
Сестрички не промах
Черта с два
Невинные дамские шалости
Жестокий мир мужчин
Отпетые плутовки
Ее маленькая тайна
Мой любимый киллер
Моя любимая стерва
Последнее слово за мной
Чумовая дамочка
Интим не предлагать
Овечка в волчьей шкуре
Барышня и хулиган
У прокурора век недолог
Мой друг Тарантино
Чудо в пушистых перьях
Любовь очень зла
Час пик для новобрачных
Фитнес для Красной Шапочки
Брудершафт с терминатором
Миллионерша желает познакомиться
Фуршет для одинокой дамы
Амплуа девственницы
Список донжуанов
Ангел нового поколения
Бочка но-шпы и ложка яда
Мавр сделал свое дело
Тень стрекозы
Одна, но пагубная страсть
Закон семи
Сжигая за собой мосты
Последняя любовь Самурая
Невеста Калиостро
Испанская легенда
4 любовника и подруга
Welcome в прошлое
С чистого листа
Мое второе я
Уходи красиво
Неутолимая жажда
Огонь, мерцающий в сосуде
Она в моем сердце
Тайна, покрытая мраком
Выйти замуж любой ценой
Судьба-волшебница

Наследство бизнес-класса
Змей-соблазнитель
Время-судья
Свой, чужой, родной
Разрушительница пирамид
Дневник чужих грехов
Особняк с выходом в астрал

Сериал «Таинственная четверка»

Миссия свыше
Коллекционер пороков и страстей
Знак предсказателя
В самом сердце
Четыре всадника раздора

Сериал «Я и Владан Марич»

Найти, влюбиться и отомстить
Жаркое дыхание прошлого
Не вороши осиное гнездо
Сыщик моей мечты
Голос, зовущий в ночи

Сериал «Фенька – Femme Fatale»

И буду век ему верна?
Единственная женщина на свете
Трижды до восхода солнца
Вся правда, вся ложь
Я смотрю на тебя издали
Небеса рассудили иначе

Сериал «Анфиса и Женька – сыщицы поневоле»

Капкан на спонсора
На дело со своим ментом
Охотницы за привидениями
Неопознанный ходячий объект
«Коламбия пикчерз» представляет
Предчувствия ее не обманули

Сериал «Ольга Рязанцева – дама для особых поручений»

Все в шоколаде
Вкус ледяного поцелуя
Эксклюзивный мачо
Большой секс в маленьком городе
Караоке для дамы с собачкой
Аста Ла Виста, беби!
Леди Феникс
Держи меня крепче
Новая жизнь не дается даром

Сериал «Одна против всех»

Ночь последнего дня
Та, что правит балом
Все точки над і
Один неверный шаг

Сериал «По имени Тайна»

Две половинки Тайны

Жестокий мир мужчин

**ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА**

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Н. Каптыкиной*

Полякова, Татьяна Викторовна.

П54 Жестокий мир мужчин : [роман] / Татьяна Полякова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-164947-0

Красавица Анастасия не может поверить в то, что ее муж — убийца. Сердце любящей женщины подсказывает ей, что кто-то другой совершил жестокое преступление, искусно подставив Илью. На свой страх и риск Анастасия пытается восстановить события той роковой ночи. К ее ужасу, все, с кем она встречается, трагически погибают при весьма странных обстоятельствах. Но ничто не в силах заставить ее прекратить поиски правды. Она даже не подозревает, сколь жестокой и мучительной окажется истина...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164947-0

© Полякова Т.В., наследники, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Звонок поднял меня в час ночи. Я села в постели, провела по лицу ладонями, включила ночник и уставилась на телефон. Тяжело вздохнула, уже зная: звонивший весьма настойчив и не угомонится до тех пор, пока я не сниму трубку.

Я отбросила одеяло, сунула ноги в тапочки, прошлась до окна и обратно, косясь на телефон, он звонил с равными интервалами и явно не собирался заткнуться.

«Отключить бы его к чертовой матери», — подумала я и пошла в кухню искать сигареты.

Потом долго шарила по столу в поисках спичек, закурила, глядя в окно и слушая, как надрывается телефон.

— Настырный, сукин сын, — усмехнулась я.

Звонки уже по-настоящему действовали на нервы. Телефон на ночь следует отключать, этот тип всегда звонит ночью. Или под утро... Отключить, конечно, можно, но где гарантия, что он оставит меня в покое и не станет, к примеру, звонить в дверь, а может, придумает еще что-нибудь затаейливое, чтобы сделать мое существование невыносимым. Телефон, по крайней мере, привычнее.

Я вернулась в комнату, еще раз вздохнула и сняла трубку.

— Я тебя не разбудил? — поинтересовался мужской голос.

Отвечать я не собиралась. Я просто слушаю этого идиота и никогда не произношу ни слова.

— Извини, если позвонил не вовремя. — В его голосе прозвучала откровенная издевка.

Я стала рассматривать фотографию на стене, это позволяет отвлечься и не обращать внимания на его слова. Впрочем, особенно разговорчивым он не был, вот и сегодня хохотнул и заявил с лютой ненавистью, неизменно меня удивлявшей:

— Тебе осталось две недели. Слышишь, сука?

Я закрыла глаза, потеряла переносицу, ожидая, что он скажет еще.

— Две недели, — повторил он и повесил трубку.

Я прикурила новую сигарету и уставилась в пол, зябко ежась, с тоской думая о том, что уснуть уже не смогу, а это означало еще одну жуткую ночь и беспросветное одиночество.

— Сукин ты сын! — бросила я в сердцах, глядя на телефон, по-настоящему не испытывая к своему мучителю никакой ненависти. Нет, я рада, что хоть кто-то в этом городе еще ждет его и считает дни. Затушила сигарету, подошла к стене и коснулась пальцами лица на фотографии. — Я люблю тебя, — проронила жалобно. Господи, кому это интересно... — Я люблю тебя, — повторила уже тише и, конечно, заревела. А что я еще могу?

Сползла на пол, вытянула ноги и сжала ладонями виски. Последнее время это повторялось из ночи в ночь — сидение в углу, раскачивание из

стороны в сторону и безуспешные попытки найти ответ: что же произошло тогда, пять лет назад? И сегодня, проделав все это, я завела привычную песню — глядя на фотографию, спросила жалобно:

— Как ты мог поверить, что я тебя предала?

Лицо с фотографии насмешливо улыбалось. Ладно, через две недели я получу ответ. Этот тип, кто бы он ни был, прав: осталось две недели.

Звонки начались год назад, второго июня. Уже несколько лет второе июня было самым страшным днем в моей жизни, и ничего хорошего я от этого дня не ожидала, и вдруг поздний звонок. Тогда впервые я услышала голос моего ночного мучителя.

— Через год он вернется, — с усмешкой напомнили мне тогда. — Тебе остался год, сука. Слышишь?

Потом он стал звонить каждое второе число, отсчитывая месяцы, потом звонки стали чаще: он считал недели.

Я тоже их считала: годы, месяцы, недели и дни. Их было так много, одинаково серых, тоскливых, без проблеска надежды.

— Ты не должен был верить... — в пустоту проронила я. Не должен? Кому, чему? О господи!..

Я прошла в кухню, достала коньяк из шкафчика, торопливо налила чуть меньше половины стакана, залпом выпила, постояла, пялясь в темноту за окном.

— Мне бы только прожить эти две недели. Две недели — это сушая ерунда, ей-богу. Четырнадцать дней и ночей. Всего-то...

Я вцепилась руками в подоконник и завывала, стиснув зубы и зажмурившись.

В первое время такое пугало, я всерьез боялась, что схожу с ума. Теперь стало привычным. Пальцы разжались, я судорожно вздохнула и открыла глаза.

— Две недели — это ерунда, — повторила сама себе с ухмылкой.

Телефон опять зазвонил. Я вздрогнула, постояла, прислушиваясь. Может, он изменил правила игры? Может... почему бы нет? Прошла в комнату и сняла трубку:

— Я слушаю.

— У тебя свет горит, — сказал Сашка. — Что, опять?

— Опять, — ответила я.

— Придушить бы этого сукина сына...

— У Ильи что, так много друзей?

— Хорош друг...

— Он его ждет, — вздохнула я. — Значит, друг. Ты многих знаешь, тех, кто ждет его?

— Успокойся, — попросил Сашка. — Я тебя прошу... Все будет хорошо. Через две недели он вернется, и все будет просто здорово. Я тебе клянусь...

— Конечно, — глотая слезы, согласилась я. — Конечно... все будет просто отлично, — швырнула трубку, схватила подушку и уткнулась в нее лицом.

Ключ в замке повернулся, дверь хлопнула, слышались торопливые шаги. Я приподняла голову и увидела Сашку. Он вошел, посмотрел на меня укоризненно и отправился в кухню. Мне было слышно, как хлопает он дверцами шкафчиков,

потом он швырнул стакан в мойку и вернулся в комнату. Ночник освещал его снизу, придавая лицу что-то сумрачное, даже трагическое.

— Так... — Он собрался высказаться резко и даже зло, вместо этого вздохнул, сел рядом и взял мою руку. Осторожно поцеловал и прижал к своей щеке. — Бессонница и коньяк, — усмехнулся невесело. — Опять одно и то же.

Я высвободила руку и стала смотреть в потолок, предметы в тусклом свете ночника отбрасывали причудливые тени, и я порадовалась, что Сашка рядом со мной.

— Коньяк, это что — норма жизни? — недовольно проворчал он.

— Хочешь сказать — много пью? — хмыкнула я.

— Нет. Ты не пьешь. Ты себя в гроб вгоняешь. Ты не спишь ночами, пьешь, куришь до отупения и пялишься в потолок.

— Странно, да? — спросила я насмешливо. — На моем месте другая женщина веселилась бы до упаду. И спала бы по ночам сладко, точно младенец.

— Самое страшное позади, — помолчав, сказал он. — Осталось две недели. Две недели ты можешь выдержать? Без коньяка и ночных истерик?

— А что изменится через две недели? — жалобно спросила я, а Сашка пожал плечами.

— Он вернется.

— И что? — Я стиснула рот рукой, боясь, что опять разревусь.

Сашка долго смотрел на меня, очень долго, за это время я немного успокоилась, прикрыла ладо-

нюю глаза от света и стала смотреть в никуда, а потом попросила:

— Ладно... Прости меня. У тебя своих забот полно. Я веду себя как последняя дура. Прости.

— Какие у меня заботы? — хмыкнул он, вытянулся рядом, обнял за плечи и стал гладить мои волосы.

— Помнишь, я болела корью... — неожиданно спросила я. — В каком классе?

— В детском саду. В подготовительной группе. А что?

— Ничего. Просто подумала... Как давно это было...

Тогда я вроде бы шла на поправку, и мама выписалась на работу. Сашка жаловался на головную боль, и родители на всякий случай оставили его дома. Мы играли в разбойников, прыгали с шифоньера на диван, разучивали на пианино «собачий вальс» и вообще веселились от души. К обеду у меня вдруг поднялась температура, я задыхалась и тряслась в ознобе. Сашка позвонил маме, а потом сидел рядом со мной, вцепился в мою руку обеими руками и смотрел испуганно.

«Сашка, я ведь не умру?» — перепугалась я так, что начала заикаться, а он затряс головой и сказал:

«Нет. Чего ты? — А потом добавил: — Я тебя люблю. Очень».

«И я тебя», — ответила я, и это было сущей правдой.

Я всегда его любила, больше, чем родителей, больше, чем бабушку, больше всех... до некоторого времени. А в Сашкиных глазах, когда он смот-

рел на меня, с тех пор где-то в самой глубине зрачка таился страх. Я прижалась к нему и сказала:

— Я люблю тебя...

— Все будет хорошо, — повторил он и поцеловал мои волосы. — Вот увидишь. Он вернется, и все будет хорошо.

— Он ни разу не написал мне, — всхлипнула я. — Он не хотел меня видеть. Он считает, что я во всем виновата. И это правда.

— Что правда? — вздохнул Сашка.

— Все. Если бы не я...

— Вот что... — Он поднялся. — Давай-ка выпьем. Коньяк еще остался. И поговорим.

Сашка сходил на кухню, вернулся с двумя рюмками и бутылкой, поставил их на тумбочку, неторопливо разлил коньяк.

— Давай... за нас.

Я выпила и опять легла, закинула руки за голову и уставилась в потолок.

— Ведь он не убивал... — сказала я скорее себе, чем Саше.

— Конечно, нет, — кивнул он.

— Но его посадили...

— Менты имели на него большой зуб, и вдруг так подфартило... Грех было не воспользоваться...

— А я... я только все испортила... — чувствуя, что опять скатываюсь в истерику, прошептала я.

— Ты хотела его вытащить. Только за него взяли всерьез и серьезные люди. Тебя допрашивали двенадцать часов почти непрерывно. Кто смог бы выдержать такое?

— Я... я должна была выдержать.

— Чепуха. Ни ты, ни я, ни он сам... Улики на-

лицо, менты довольны. Это ж было не расследование, а рождественский подарок. Оружие, из которого только что стреляли, в его машине, и сам он в сотне метров от дома, где совершено преступление, в этой самой машине задержан через десять минут после убийства. Твои показания ничего бы не изменили.

— Но ведь он не убивал?

— Нет. Мне он врать бы не стал. Да и на кой черт ему убивать этого придурка?

— Все решили по-другому...

— Забудь. Это не имеет значения.

— Он тоже так решил, — упрямо сказала я. — Он меня бросил. Скажи, за что?

— Не начинай все сначала, — нахмурился Сашка. — Ты все знаешь не хуже меня. Его подставили, да так ловко, что у него не было шансов выкрутиться. Ни одного шанса. Он не был бы самим собой, если бы сразу сдался, но и он не верил, что выкрутится. Слишком многим хотелось, чтобы он сел.

— Он бросил меня, — зарываясь лицом в подушку, напомнила я. — Он считает, что я его предала...

— Чушь собачья. Он не бросил, а сел в тюрьму. И он не хотел тебя связывать на долгие годы. Не такой он человек. Согласен, у него не очень хороший характер, но винить тебя он бы никогда не стал.

— А может, ему просто наплевать...

— Вот что, — вздохнул Сашка. — Давай-ка спать. Если не возражаешь, я останусь у тебя.

— Хорошо, постелю тебе на диване. — Я под-

нялась, а Сашка ушел в ванную. — Как твои дела? — догадалась спросить я, когда он уже лег.

— Мои дела? Нормально. Как же еще?

— Где ты был?

— Когда? — не понял он.

— Я хочу сказать, откуда ты ко мне приехал?

— А-а... Так, посидели в одном месте... перекинулись в картишки. Отправился домой, вижу, у тебя свет горит, вот я и позвонил...

— Его ждут? — без всякой связи спросила я.

— Кто? — вроде бы удивился Сашка.

— Не знаю... Кто-то... Например, те люди, которым очень хотелось, чтобы он оказался в тюрьме... Это опасно, да?

Сашка лежал, глядя в потолок, потом повернулся ко мне и заговорил очень серьезно:

— Послушай меня, пожалуйста. Когда он сел, нам здорово досталось: тебе, мне, всем, кто был с ним. Тигр в клетке, шакалы воют... Не мне тебе рассказывать, что было. Время прошло, и ничего не вернуть: он отсидел за убийство, которое не совершал. И он возвращается.

— Просто возвращается? — уточнила я.

— Да. Именно так. Он не хочет мстить, если ты об этом. И не собирается искать тех, кто его подставил. Он просто хочет жить. Это понятно?

— Конечно, — усмехнулась я. — Если бы речь шла о ком-то другом.

— Ты можешь относиться к этому как угодно, но все обстоит именно так.

— Выходит, он здорово изменился, — усмехнулась я.

— Не он один. Мы все изменились. А ему досталось больше всех.

Я посмотрела на фотографию на стене, не выдержала и заревела, кусая пальцы.

— За что? Скажи, за что он так поступил со мной?

— Тихо, тихо, тихо, — шептал Сашка, оказавшись рядом. — Не начинай все сначала. Все будет отлично, верь мне. Он вернется, мы сядем втроем, как раньше, и обсудим наши дела.

— Не в этом дело, — немного успокоившись, сказала я. — Он меня не любит. Просто не любит. И это самое страшное.

— Я прошу, потерпи еще две недели, идет?

— Я потерплю, — кивнула я. — Только для меня ничего не изменится через две недели. Я не нужна ему, и он считает меня виноватой.

— Послушай. — Сашка сжал мои плечи и заговорил торопливо, точно боялся, что не успеет все сказать: — Ты знаешь, как я люблю тебя, а он всегда был мне лучшим другом. Самым лучшим. С тех пор как умерли родители, у меня остались только вы... Я точно знаю: все будет хорошо. Просто надо еще немного потерпеть. Ты поняла?

Я положила голову ему на колени и зажмурилась. Мне очень хотелось верить... только верил ли сам Сашка в то, что обещал мне?

Я проснулась от шума воды в ванной, взглянула на часы. 7.30. Приподнялась на локте и позвала:

— Саша.

Он выглянул из-за двери, улыбнулся и сказал:

— Еще рано. Спи, — и вновь исчез в ванной, а я встала, накинула халат и вышла в кухню. Быстро приготовила завтрак.

Сашка появился минут через пятнадцать, устроился за столом и стал есть, весело на меня поглядывая, веселье он слегка переигрывал, в глубине зрачков притаилось беспокойство.

— Вкусно, — похвалил он. — Зря так рано встала... Перехватил бы что-нибудь по дороге.

— Мне нравится тебя кормить, — пожалала я плечами. — Еще мне нравится просыпаться по утрам и знать, что ты рядом... Жаль, что мы не можем жить вместе, как раньше.

— Жаль, — согласился он. — Женщина не должна жить одна. — И добавил с поразившей меня уверенностью: — Это скоро кончится.

Сашка взглянул на часы, торопливо допил вторую чашку кофе и пошел к двери.

— Заеду вечером, — кивнул он на прощание.

— Не надо, — покачала я головой, он остановился, а я пояснила: — Спасибо, но мне не нужна нянька. Я справлюсь, честно.

— А как насчет коньяка? — усмехнулся он.

— Бутылку допили вчера.

— А ночной псих?

— Ну его к черту! — Я хмыкнула, развела руками и добавила: — Мне кажется, он неплохой парень. По крайней мере, мы точно из одной команды.

Сашка закатил глаза, покрутил головой и сказал:

— Ноги бы ему выдернуть. Вместе с языком, — махнул рукой и ушел, а я стала смотреть в окно.

Вот он выходит из подъезда, поднял голову, посмотрел на меня и улыбнулся. Я кивнула в ответ, дождалась, когда он сядет в машину, а потом

покинет двор. Прошлась по квартире, замерла перед фотографией на стене и долго-долго смотрела.

— Ты вернешься, — сказала громко. — Только не ко мне. Но все равно я очень рада.

Я затеяла уборку и начала новую жизнь. Понедельник — самый подходящий для этого день. Никакого нытья и истерик, курить я уже бросила, в будущее смотрю с оптимизмом. За оставшиеся дни следует похудеть на пару килограммов, больше находиться на свежем воздухе, немного загореть и вспомнить наконец, что я красивая женщина.

Все это я говорила себе с усмешкой, но выработанной программе собиралась четко следовать.

В дверь позвонили, очень настойчиво и, должно быть, не в первый раз. У меня работал пылесос, и звонок я услышала не сразу, крикнула:

— Сейчас! — и пошла открывать.

На пороге стояла Лерка. Одиннадцать утра, а она уже, как говорится, лыка не вяжет.

— Проходи, — вздохнула я, распахивая дверь пошире и отходя в сторону. — Привет.

Лерка споткнулась на пороге, буркнула:

— Черт, — и с трудом добралась до кресла. — Выпить есть?

— Нет, — ответила я. — Слушай, что сегодня за праздник?

— У меня нет праздников, сплошные будни, чтоб ты знала. Честно, есть у тебя коньяк?

— Нет. Можешь проверить. Хочешь, напою тебя чаем.

— Катись ты со своим чаем, знаешь куда... —

Лерка тряхнула головой, резко выдохнула воздух и поинтересовалась: — Сашка у тебя ночевал?

— У меня, — кивнула я.

— Разумеется. Где же еще. И вчера, и позавчера, и всю жизнь только у тебя. Да?

— Прекрати, — поморщилась я. — У меня нет ни малейшего желания наблюдать чужую истерику. Свои надоели.

— Тебе опять кто-то звонил, и он прибежал сломя голову? Ехал мимо, увидел, что горит свет. — Она засмеялась. — Ты и твой дерьмовый братец... Как я его ненавижу... Всегда одно и то же...

— Почему бы вам не оставить друг друга в покое? — зло предложила я.

— Разумеется. Ты об этом только и мечтаешь. Ты всегда меня ненавидела, всегда, с того самого дня, когда он нас познакомил. Конечно, все вокруг должны любить только тебя, ты самая необыкновенная, да... а что я? Ты хочешь, чтобы он меня бросил, и вечно его так настраиваешь. И покрываешь эту сволочь. Он изменяет мне с каждой юбкой, а ты его покрываешь! — Последние слова она уже кричала.

Конечно, Сашка изменял ей. Сейчас, глядя на Лерку, я не особенно его осуждала. Она сидела, раздвинув колени, руки свисали почти до пола, на лице вчерашняя косметика, волосы включены, вряд ли она догадалась расчесаться с утра. Шесть лет назад она была красавицей, сейчас мало кому пришло бы в голову так ее назвать.

— Слушай, — предложила я, — ложись на диван, отдохни немного. А вечером встретишь Сашку с работы, заедете в какой-нибудь ресторан...

— В ресторан он ходит с другими, — хохотнула она. — Слушай, чего он меня не бросит к чертовой матери, а? Ты ведь знаешь, у вас секретов не бывает, что он говорит? Жалко меня, да? Вы же добрые. И еще честные и благородные. Чертова семейка... сволочи, вот вы кто. И ты, и твой братец.

— Заткнись, пожалуйста, — попросила я. — Иначе суну тебя под холодный душ, в прошлый раз тебе не понравилось.

— Конечно, — пьяно ухмыльнулась Лерка. — Я алкогочичка и стерва, так он говорит. А ты у нас ангел... ангел. А я знаю, кто настоящая стерва. И не одна я знаю, очень многие. — Она вдруг принялась хохотать, однако недолго, смех резко оборвался, Лерка нахмурилась и ткнула в меня пальцем. — Знаешь, что о тебе говорят? Не знаешь? Могу рассказать. Ты шлюха, вот ты кто. Шлюха, грязная, подлая шлюха. Ты думаешь, если пять лет сидишь в этой норе затворницей и носа никуда не кажешь, все уже забыли? Святую из себя корчишь? Как бы не так, — обычно в этом месте она замолкала, но не сегодня. — Он-то знал, что ты за штука, твой Илья. И послал тебя ко всем чертям...

Я села напротив и попросила:

— Расскажи мне...

— О чем? — вроде бы удивилась Лерка, приходя в себя.

— О том, что говорят.

— Ничего не говорят... — Она нахмурилась и стала разглядывать что-то на полу.

— Тебе Сашка не велел говорить со мной об этом?

— В гробу я видела твоего Сашку. — Она покусала губы, потом тяжело вздохнула: — Не слушай ты меня. Знаешь ведь, пьяная — я дура. Второй день пью. Сашка домой заходит редко, так, от случая к случаю. Бросил бы в самом деле, может, и к лучшему...

— Что говорят, Лерка? — напомнила я.

Она вроде бы испугалась.

— Что... всякую чушь. Убийство на почве ревности, как будто ты не знаешь.

— Знаю. Только Илья меня не ревновал, тем более к Андрею. Я не давала ему ни малейшего повода меня ревновать.

— Он тебя любил, — помолчав, заметила она. — Очень. Илья странный мужик. Про такого никогда не скажешь, что у него на уме.

— Что за чушь, Лерка. Ведь ты знаешь, идею о ревности подкинули адвокаты, когда стало ясно, что ему не выкрутиться.

— Ну... — Она нахмурилась еще больше. — Он ведь бросил тебя, разве нет? Он послал тебя ко всем чертям. Почему? Если ты не виновата...

— Наверное, в чем-то виновата, — согласилась я. А Лерка неожиданно опять засмеялась и даже погрозила мне пальцем:

— Умеете вы придуриваться, ты и твой братик. Я бы поверила, ей-богу... нет, честно, поверила бы...

— Во что? — осторожно спросила я.

— В то, что ты ангел. И воплощение невинности. И еще черт знает что. А твой брат отличный парень. Брат и Друг. Оба слова с заглавной

буквы. Вот именно: Брат и Друг. Хочешь скажу, почему этот сукин сын меня никак не бросит? — Она махнула мне рукой, я машинально наклонилась, а она зашептала: — Не может: твой чертов братец боится. Потому что я следила за ним той ночью. Улавливаешь? Я за ним следила. Ему придется убить меня или мучиться до самой смерти... Здорово, правда? — Она принялась хохотать, а я смотрела на нее и пыталась понять: что это, пьяный бред или в самом деле существует нечто, мне неизвестное.

— Давай-ка спать, — так и не сделав никакого вывода, сказала я. Сунула ей подушку под голову и достала одеяло.

Лерка спала, хмурясь и зябко поеживаясь. Я закончила уборку и устроилась на лоджии. Курила, забыв про недавнее обещание бросить, смотрела на проспект и думала. Что-то в словах Лерки не давало покоя.

Я покосилась на диван, где она спала, покачала головой и потянулась за новой сигаретой.

У меня собственная точка зрения на происшедшее несколько лет назад, по наивности я считала, что моя точка зрения — едва ли не единственная; конечно, у милиции была своя, но меня она не интересовала.

Я добровольно обрекла себя на некое подобие затворничества не потому, что таким образом пыталась искупить вину, просто никого не хотела видеть. Люди и разговоры раздражали. Общение с внешним миром я попыталась свести до минимума, а теперь об этом сожалела. Что-то происходило там, за стенами моей квартиры, что-то, что на-

прямую меня касалось, и моя точка зрения вовсе не была единственной, иначе как объяснить то, что Илья просто вышвырнул меня из своей жизни. Должна быть причина. Мне она неизвестна, но должна быть...

Лерка подняла голову, сонно посмотрела по сторонам, потом позвала:

— Аська, я у тебя, что ли?

— У меня. — Я вернулась в комнату, села на диван рядом с Леркой, спросила: — Хочешь чаю? С лимоном... Или сок, ананасовый.

— Чаю давай, — кивнула она. — И пожрать чего-нибудь. Кишки сводит...

Я быстро накрыла на стол и позвала ее.

Лерка умылась, расчесалась и села за стол, слабо постанывая.

— Убила бы дуру, — сказала она вдруг со злостью.

— Кого? — усмехнулась я.

— Себя, конечно.

Лерка была почти трезвой, а в таком состоянии предпочитала заниматься самобичеванием.

— Может, лучше бросить пить?

— Бросишь, как же... — разозлилась она. — Твой чертов братец... А-а... — Она махнула рукой и стала уплетать щи.

Я помолчала немного, наблюдая за Леркой, потом осторожно спросила:

— Ты говорила, что следила за Сашкой той ночью...

— Какой? — насторожилась Лерка.

— Той ночью, когда арестовали Илью.

— Я такое говорила? — Она испугалась, нерв-

но поежилась, поглядела во все четыре угла моей кухни и сказала: — Аська, ты же знаешь, пьяная я — дура душой. Чего хочешь соврать могу. Не бери в голову, а? Это я так, со злости... У нас сейчас с Сашкой не очень, а я люблю его. Ты же знаешь, мне без него хоть сразу в петлю. А ему хоть бы что. — Тут она заревела, а я вздохнула и возразила, вычерчивая ложкой узоры на столе:

— Ему не все равно.

— Как же... — Лерка шмыгнула носом и уставилась на меня. — У него баба есть, он даже не скрывает, при мне ей звонит.

— Извини, но мне кажется, это неправда, я имею в виду, что ему настолько все равно, что он не желает ничего скрывать.

— Ну, хорошо, он скрывает, но я-то не дура, я ж все вижу, и кому он звонит, знаю... Он тебе что-нибудь говорил про нас?

— Да. — Я вздохнула. — Говорил, что ваши отношения вконец испортились, что вы живете, словно чужие, ты много пьешь, и он не знает, как все изменить. Винит во всем себя.

— Конечно, винит... А сам дома сутками не показывается. И на меня ему плевать. Ходит мимо, точно я мебель... Он меня бросит? Что он говорил, а?

— По-моему, ему это даже в голову не приходило.

— Правда? Если он меня бросит, я не знаю, что сделаю... Я хочу ребенка, а он нет, почему? Потому что не собирается со мной жить?

— Он не хочет ребенка, потому что ты хроническая алкоголичка и ребенок может родиться

двухголовым. Извини, что я так резко, но кто-то должен сказать тебе это.

Лерка вытаращила глаза и замерла, не донеся ложки до рта.

— Это он так сказал? — спросила она где-то через минуту.

— Это я так сказала.

Она швырнула ложку, вздохнула и уставилась на меня.

— Вы очень похожи, — заметила она без злобы. — Ты и твой брат. Жаль, что вы родственники, вот бы парочка получилась... Скажи, ведь на самом деле вам никто не нужен, верно?

— Что ты имеешь в виду? — удивилась я.

— Вы любите только друг дружку, и вам никто не нужен. Никто.

— Это интересная мысль. — Я усмехнулась, а Лерка насторожилась, ее взгляд заметался, она покусала нижнюю губу и попросила жалобно:

— Аська, не говори ему про то, что я здесь наболтала. Я просто пьяная дура и болтаю всякую чушь. И злюсь, что сестру он любит в сто раз больше меня. Может, я виновата, но это обидно, понимаешь?

— Понимаю. Только чего ты вдруг занервничала? Ты сегодня сказала, что следила за Сашкой в ту ночь, когда арестовали Илью. И по этой причине он тебя не смеет бросить. Жутковато звучит, да?

— Если ты думаешь... если ты думаешь, что это как-то связано с Ильей, — запаниковала Лерка, — то зря. Мне просто нравится по пьянке пугать всех подряд, я, мол, крутая и все такое... Ты

ведь знаешь, Сашка никогда от тебя ничего не скрывает. И если бы тогда что-то... — Тут она побледнела и, окончательно запутавшись, жалобно на меня уставилась.

— Я ничего ему не расскажу, — заверила я и стала смотреть в окно.

Аппетит у Лерки пропал, она торопливо пила чай, избегая встречаться со мной взглядом.

— Скажи, — подумав, попросила я, — в чем меня считают виноватой?

— Кто?

Я пожала плечами.

— Не знаю кто... Люди. Ведь что-то говорили тогда, разве нет?

— Бог с ними, — вздохнула Лерка. — Чего дураков слушать... Мне Сашка голову оторвет.

— Не оторвет. Он не узнает.

— Охота тебе все это ворошить. И я дура. Сунулась с длинным языком... Говорят, что ты была любовницей Андрея. В ту ночь Илья застал вас на его квартире. Ты убежала, а его он убил. На суде Илья промолчал о том, что вас застукал, не желая трясти грязным бельем... ну и тебя пожалел. После чего вырвал тебя из сердца, закопал на пять метров в глубину и залил цементом. — Лерка невесело хохотнула.

— Занятно, — кивнула я, а она неожиданно разозлилась:

— Чушь собачья, глупая сказочка для полудурков.

— А если это действительно так? — подумав, спросила я.

Лерка растерялась, потом нахмурилась и сказала:

— Мне можешь не заливать. Чушь все это, кому и знать, как не мне...

— Чушь, — согласилась я, и мы выпили по чашке чаю, старательно избегая глаз друг друга.

— Сашка говорит, Илья вернется, и жизнь наладится, — тихо заметила она. — Как думаешь?

— Не знаю, — ответила я честно.

— Он его вправду ждет.

— Кто? — не поняла я.

— Сашка.

Ее ответ меня поразил. Я торопливо поднялась, отошла к плите, повернувшись спиной к Лерке, стараясь скрыть охватившее меня смятение, а успокоившись, сказала твердо:

— Конечно, он его ждет. Ведь они друзья.

— Друзья, — согласилась Лерка, я попробовала обнаружить в ее голосе усмешку, но не смогла.

Лерка взглянула на часы и засобиралась домой. Я решила ее проводить, она охотно согласилась.

День был солнечным, но нежарким, улицы заполнены гуляющими.

— Мы хотели на юг съездить, — сообщила Лерка. — На пару недель. Поедем с нами.

— Может быть. Когда собираетесь?

— Попозже. Я имею в виду, Илью дождемся. Может, и он поедет, было бы здорово, правда?

— Да, — согласилась я.

Она несколько минут шла молча, потом сказала:

— Извини, что я тебе настроение испортила... Я пить брошу, правда, с завтрашнего дня.

— Хорошая мысль.

Тут на глаза мне попался телефон.

— Давай позвоним Сашке, — предложила я.

— Вряд ли он дома, уже восемь часов.

— Позвоним на работу.

— Тогда ты звони, — кивнула Лерка.

Я набрала номер и вскоре услышала Сашкин голос:

— Да.

— Это я, мы с Леркой гуляем, решили заглянуть к тебе.

— Как там она?

— Отлично.

— Что ж, заглядывайте. В баре ни души, вы будете первыми посетителями.

Лерка слушала, прижав ухо к трубке.

— Поедем? — спросила она.

— Лучше пешком. Погода хорошая, грех не прогуляться.

Лерка взяла меня под руку, и мы направились в старую часть города. Здесь, на одной из маленьких улочек, располагался ночной клуб, который принадлежал Сашке... и Илье. Сашка это неизменно подчеркивал, хоть и являлся по документам полноправным владельцем. Несколько лет назад клуб был самым популярным в городе, но после ареста Ильи Сашке пришлось нелегко, власти искали повода разделаться с ним, да и многочисленные недруги почувствовали себя вольготно и портили ему жизнь как могли. Думаю, Сашка держался за клуб из упрямства, вряд ли это заведение приносило сейчас большой доход. Разговоров на эту тему брат всячески избегал, и я не лезла.

Возле дверей стоял охранник и курил, поглядывая на редких прохожих.

— Привет, — сказала Лерка, я кивнула, он ответил:

— Привет, — и с удивлением уставился на меня: я не появлялась здесь несколько лет.

Мы вошли в бар, за то время, что мы сюда добирались, бар заполнился почти до отказа, все столы были заняты, за стойкой сидели две девушки и трое ребят. Взглянув в том направлении, Лерка чертыхнулась:

— Смена Кирилла. Терпеть его не могу. — И добавила зло: — Он меня тоже.

Мы подошли к стойке, Кирилл повернулся к нам, кивнул и неторопливо приблизился. Он вызвал у меня странное чувство. Может быть, беспокойство. Выше среднего роста, коренастый, бритый наголо, от правого виска к затылку тянулся шрам, большие серые глаза смотрели спокойно и даже равнодушно, но где-то в самой их глубине таилась угроза. Тонкий нос, узкие губы, кривая улыбка. Впрочем, улыбался он редко, говорил вроде бы неохотно. Здесь появился через год после того, как Илья угодил в тюрьму. Что их связывало с Сашкой, я не знала, но что-то, кроме того, что Кирилл здесь работал, безусловно, связывало. Неоднократно я хотела расспросить брата об этом, но каждый раз неожиданно пугалась и замолкала.

— Выпьете? — спросил Кирилл, обращаясь ко мне.

— Я выпью, — ответила Лерка. — Налей водки, грамм сто.

На Лерку он даже не взглянул, смотрел мне в глаза и вроде бы силился улыбнуться.

— Мне кофе, — попросила я, он бросил через плечо:

— Таня, сделай кофе, — и отошел к посетителю на другой конец стойки.

— Видишь, что выделяет, — разозлилась Лерка. — Какого черта Сашка его держит? Он даже не взглянул на меня.

— Брось, — попробовала я ее успокоить. — С водкой ты завязала, а кофе подаст, никуда не денется.

— Нет, просто обидно. Можно подумать, он здесь хозяин, а я так, прогуляться вышла.

Лично я была рада, что Кирилл не обращает на нас внимания: взгляд его рождал в душе что-то крайне неприятное и подозрительно похожее на страх.

Столик в углу освободился, мы взяли с Леркой свой кофе и устроились там. Через пятнадцать минут появился Сашка, перекинулся парой слов с Кириллом и подошел к нам.

— Тысячу раз тебе говорила: выгони его к чертовой матери, — проворчала Лерка с обидой, тыча пальцем в Кирилла.

— За что? — усмехнулся Сашка. — За то, что водку тебе не наливает? Так это я не велел.

— Он на меня так смотрит...

— Он на всех одинаково смотрит, у него зрение плохое, а очки носить стесняется. Нормальный мужик и честный в меру. Это сейчас большая редкость, надо ценить... Я рад, что ты сюда загля-

нула, — повернувшись ко мне, сказал Сашка и взял меня за руку.

— Я тоже, — кивнула я и попробовала пошутить: — Пора возвращаться к жизни.

Где-то через полчаса Сашка ушел к себе, а мы еще немного посидели в баре. Лерка решила провести вечер здесь, да и я домой не спешила. Мы лениво болтали и разглядывали публику, двери в бар неожиданно широко распахнулись, Кирилл за стойкой взглянул исподлобья и как-то подобрался, а я увидела входящих в бар мужчин. Первым шел Мирон, за ним два здоровячка с крайне неприятными ухмылками на лицах. Публика, заприметив вошедших, сразу притихла.

— Чего им надо? — удивилась Лерка.

— Решили отдохнуть, — ответила я.

Между тем Мирон со своей охраной устроился за стойкой. Он сидел развалясь и чувствовал себя хозяином. В прежние времена его бы и с черного хода не пустили, но то было при Илье.

Мирон насмешливо оглядел небольшой зал и заметил меня, а я мысленно чертыхнулась.

— Какие люди, — пропел он, перекрывая шум в баре, поднялся, не спеша приблизился и встал рядом со мной, сунув руки в карманы брюк. — Не могу поверить, — перестав ухмыляться, начал он. — А мне говорили, ты вроде в монастырь ушла. Грехи замаливать.

Я отодвинула чашку, подняла голову и посмотрела на него.

— В монастырь с моими грехами не берут, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Он хохотнул, раскачиваясь с пятки на носок, и убирать-

ся прочь явно не торопился. «Отважный стал», — мысленно хмыкнула я и Сашкины слова вспомнила: «Тигр в клетке, шакалы воют». Выходит, так оно и есть. — Может, присядешь? — спросила я, потому что от его раскачивания уже в глазах рябило.

— Нет, спасибо, — хохотнул он и поинтересовался язвительно: — Значит, с затворничеством покончено?

— Как видишь.

— Ждешь?

— Конечно, жду.

— Не думай, что все будет как раньше, — заявил он и вроде бы разозлился. — Не надейся. Здесь я хозяин.

— Я слышала, — кивнула я.

— Что? — не понял Мирон.

— Я слышала, что ты теперь хозяин, — охотно пояснила я, он уставился мне в глаза и замер. Не знаю, чего он ждал, но не дождался. Взгляд Мирона не из тех, что я не смогла бы спокойно выдержать. Он криво усмехнулся и вознамерился еще что-то сказать, но тут появился Сашка.

— О, братец пожаловал, — скривился Мирон.

— А в чем дело? — вроде бы удивился тот.

— Никаких дел, просто подошел поздороваться с твоей сестрой. Шикарно выглядишь, — шепнул он, наклонясь ко мне, подло ухмыльнулся и наконец убрался к стойке.

— Не обращай внимания, — сказал Сашка, сжав мое плечо, а я улыбнулась в ответ:

— Может, он теперь и хозяин, но совершенно не тот человек, на которого я могу обратить внимание.

На этот раз «ночной мститель» позвонил после двух. Я сняла трубку, машинально включив ночник, и стала смотреть в потолок.

— Привет, сука, — сказал он. — Тебе осталось тринадцать дней.

— Кто ты? — неожиданно для себя спросила я, так как до этого я всегда молчала. Он вроде бы растерялся, потом ответил с неохотой:

— Потерпи, скоро узнаешь.

— Я хочу с тобой встретиться. Сейчас. Скажи куда, я подъеду. Или сам приезжай ко мне, думаю, мой адрес тебе известен.

— Ага. — Он засмеялся. — Я такой дурак. Задумали от меня избавиться со своим шакалом-братцем?

— Если ты друг Ильи, то должен знать: он и мой брат — друзья.

— Я тоже так думал. Только он продал друга, чтобы выгородить тебя.

— Послушай, — пытаюсь найти нужные слова, попросила я. — Ты можешь не поверить, но я не знаю, в чем моя вина. Пожалуйста, объясни мне.

— Ты грязная шлюха и сама все прекрасно знаешь. Он вернется, и вам мало не покажется, это сейчас у него руки связаны.

— Ты считаешь, что в ту ночь я была с Андреем? — проявила я сообразительность, а он засмеялся:

— Еще бы. Я видел твою машину.

— Что? — не поняла я, а он повторил:

— Я видел твою машину. Ты была там.

— Ты видел мою машину возле дома Андрея? — растерянно переспросила я.

— Такая умная, да? Ты оставила ее на углу Перекопской и к своему хахалю шла пешком.

— Ты меня видел? — Я решила, что имею дело с психом.

— Тебя я не видел, — зло ответил он. — Зато видел твою тачку. Сам, своими глазами. Ты не стала бы рисковать и ставить машину под окнами любовника, раз ее каждая собака в городе знает.

— Значит, на углу Перекопской? — повторила я.

— Ага. Вы с братишкой, конечно, молодцы, здорово все это провернули, знали, что Илья не такой человек... Сволочи, — бросил он с досадой, а я заметила:

— Странно, что мы не знакомы. Если ты его друг, я должна бы знать тебя. Тем более что у Ильи почти не осталось друзей, — добавила я с горечью.

— Ничего, найдутся. Может, то, что мы друзья, сильно сказано, но он мне ближе родного брата. И я жду не дождусь, когда он вернется.

— Я тоже, — ответила я, он помолчал и повесил трубку.

А я вышла на лоджию, закурила и стала смотреть на город в редких огнях.

— Этот парень спятил, — сказала я самой себе, ежась от ночного холода. — Он не мог видеть мою машину той ночью. Она была на стоянке во дворе... хотя из окна ее не увидишь. Утром заднее колесо оказалось спущенным. Ну и что? Это ведь ни о чем не говорит. Парень напутал... История с машиной выглядит дурацкой... вся история выглядит дурацкой, — неожиданно твердо сказала я. — Илья не убивал, и еще: я никогда не давала ему ни малейшего повода ревновать меня.

С девятнадцати лет, с того самого дня, как Сашка нас познакомил, Илья был для меня единственным мужчиной и знал это. Хорошо знал. С Андреем они когда-то учились в одном классе. Тот был художником и считал себя гением, по моему, вполне искренне. К нему меня привез Илья. Мы возвращались от Сашки, вдруг он затормозил возле двухэтажного дома, на одной из тихих улочек в центре, и сказал:

— Идем, я познакомлю тебя с гением.

— С гением? — улыбнулась я.

— Точно. По крайней мере, он так считает.

— А ты?

— А я не знаю. Может, правда гений. Он художник. Неделю назад увидел твою фотографию, ту, что я ношу с собой, и привязался, как репей: хочет твой портрет написать. Давай зайдем.

— А вдруг он меня нарисует с двумя головами? — спросила я и фыркнула. — Или с одним глазом.

— Пусть попробует, — засмеялся Илья, и мы поднялись на второй этаж.

Андрей оказался невысоким, лохматым парнем, с умным лицом и озорными глазами. Мы быстро подружились, через две недели он закончил мой портрет, который Илье понравился, а вот мне нет. Илья заказал овальную рамку и собирался повесить его в гостиной, я этому категорически воспротивилась, и портрет перекочевал в спальню... Интересно, висит он там сейчас или Илья распорядился выбросить его на помойку? Сашка бы, конечно, не выбросил, а оставил у себя. Впрочем, бог с ним, с портретом...

Пока Андрей работал над моим портретом, мы виделись довольно часто, но почти никогда не оставались наедине. Илья сидел в студии, уткнувшись в газету, или перебрасывался с хозяином шутками. Сопровождал он меня не потому, что не доверял или ревновал, а потому, что ему это нравилось. Нам было хорошо вместе... Стоп, я провела рукой по лицу: «Не начинай все сначала... и давай без истерик...» Андрей был веселым, дурашливым парнем, он любил болтать со мной, но у Ильи не было повода меня ревновать. Поэтому все происшедшее было точно удар грома.

Илья той ночью вдруг заявил, что у него какое-то дело, спешно собрался и ушел. Нет, не просто ушел... «Я вроде бы просила: без истерик...» Он ушел, я стояла на балконе, дождалась, когда он выехал со двора, и ушла в спальню. Моя машина была на стоянке. Я так считала. Где она еще могла быть, если я ее там оставила? Кому в этом городе пришло бы в голову угнать мою машину? По меткому определению звонившего типа, ее знала каждая собака. Итак, я считала, что машина была на стоянке. Однако утверждать это не могу, увидеть ее с балкона, а тем более в темноте, невозможно.

Если звонивший не псих и в самом деле видел ее на Перекопской, значит, кто-то ее со стоянки взял, а потом поставил на место. Я помню только одно: утром заднее колесо было спущено, я не могла тратить время на запаску и к брату поехала на такси.

Была машина на Перекопской или нет? Об этом следует спросить Сашку. Только не в два часа ночи.

Утром он позвонил сам.

— Как настроение?

— Отличное, — заверила я. — Ночью мне опять звонил этот тип.

Сашка зло выругался.

— Я решила поговорить с ним и выяснила следующее: он видел мою машину в ту ночь на Перекопской, в трех кварталах от дома Андрея.

— Что за чушь? — удивился Сашка.

— Он говорил так убедительно, что я собиралась позвонить тебе и спросить: ты не брал в ту ночь мою машину?

— Конечно, нет... Слушай, осталось совсем немного, потерпи, я прошу. И не затевай глупых расследований. — Сашка говорил мягко, но я чувствовала — злится, это показалось мне странным.

— Знаешь, когда все это случилось, я точно оглохла и ослепла, — сказала я. — А теперь думаю: может, мне стоило распахнуть глаза пошире, а не сидеть истуканом в своей квартире?

— Ясно, — хмыкнул Сашка. — Ты решила стать сыщиком. Желаю удачи, только вряд ли она улыбнется, говорю, исходя из собственного опыта, потому что я в роли сыщика уже побывал.

— Может, мне повезет больше, — предположила я.

— Зная твой характер, отговаривать не берусь, — вздохнул он. — Об одном прошу: держи меня в курсе. В трудную минуту любимый старший брат придет на помощь.

Я быстро собралась и покинула квартиру, решив посетить библиотеку. Времени с тех самых пор, когда арестовали Илью, прошло слишком

много. Теперь трудно с уверенностью сказать, что происходило в действительности, а что в моем воображении, в общем, я решила освежить память.

Я ехала на машине, открыв окно и подставив лицо утреннему ветру, и смотрела на дома и людей, спешащих по своим делам. Оказывается, мне всего этого здорово не хватало последние несколько лет. Просто выйти на улицу или прокатиться на машине, не думая, что весь мир смотрит на тебя врагом. Скорее всего миру вовсе нет до меня никакого дела. И сейчас мне казалось, что это хорошо.

Областная библиотека находилась в новом районе, огромное трехэтажное здание из стекла и бетона, сейчас уже заметно обветшавшее, а всего несколько лет назад гордость нашего города. Я отправилась в отдел периодической литературы и вскоре уже сидела за столом у окна с двумя подшивками. Вздохнула и, вроде бы собравшись с силами, стала искать нужные мне номера газет. Руки противно дрожали. Выходит, мне только казалось, что все уже позади. Стоило увидеть броский заголовок, как сердце болезненно сжалось и стало трудно дышать.

История выглядела так: второго июня в 1.45 в районное отделение милиции поступило сообщение о том, что на улице Воровского, дом 45, квартира 13, произошло убийство. По данному звонку были отправлены две машины с сотрудниками милиции. В 1.50, в нескольких метрах от дома, где предположительно совершилось убийство, был задержан Верховцев Илья Алексеевич. При обыске в его машине под водительским сиденьем был обнаружен пистолет. В 2.05, войдя в квартиру но-

мер 13, дом 45 по улице Воровского, сотрудники милиции в прихожей, возле незапертой двери, нашли труп хозяина квартиры Павлова Андрея Сергеевича с двумя огнестрельными ранами: в грудь и в голову. В дальнейшем выяснилось, что задержанный и убитый хорошо знали друг друга, а экспертиза установила, что пули, извлеченные из жертвы, были выпущены из пистолета, найденного в машине Верховцева.

В общем, все было ясно и понятно. Только не для меня. Верховцев вину не признал, свое присутствие возле дома жертвы объяснял так: в 1.15 неизвестный мужчина позвонил ему по телефону домой и назначил встречу в парке «Дружба», который как раз находится рядом с улицей Воровского. Неизвестный заявил, что располагает сведениями, чрезвычайно важными для Верховцева, и он согласился на встречу. Звонивший должен был ждать его в парке в 1.30. Приехав к месту встречи на машине, Илья Верховцев оставил ее возле дома номер 51, напротив парка, и несколько раз прошелся по аллее в ожидании звонившего, но тот не появился, и Верховцев вернулся к своей машине, где и был задержан сотрудниками милиции. На вопрос, каким образом в машине оказался пистолет, из которого был застрелен Павлов, ответил, что пистолет, видимо, был ему подброшен в то время, когда он ожидал в парке звонившего. Отпечатки пальцев на оружии отсутствовали, но, несмотря на это, пистолет был главной уликой.

Я провела ладонью по лицу и стала смотреть в окно. И тогда, и сейчас я прекрасно знала, что все происшедшее было кем-то подстроено. И все же

история выглядела очень странной. Я знала, что никакого звонка от неизвестного не было. Звонил Сашка, но не в 1.15, как заявил Илья, а где-то около десяти. Звонок был самым что ни на есть обычным, они поговорили минут пять, Илья смеялся, приглашал Сашку заехать к нам, все это я слышала, сидя в гостиной, дверь в прихожую была распахнута настежь. Сашка приехать не пожелал, и мы отправились спать. В половине первого Илья неожиданно поднялся и заявил, что у него есть дело. Я приподнялась на локтях, посмотрела удивленно и спросила:

— Дело?

— Да, — кивнул он и стал одеваться. Потом подошел, сел на кровать и очень долго меня целовал. Он... странно вел себя в ту ночь.

— Можно я поеду с тобой? — попросила я, вдруг испугавшись чего-то.

— Нет, — ответил он. Когда он вот так говорил «нет», я знала, что просить бесполезно.

— Ты надолго?

— Не жди меня, — сказал он, а потом засмеялся: — То есть, конечно, жди. Очень прошу. Очень, очень... А сейчас спи. Я вернусь и разбужу тебя.

— Илья, куда ты? — спросила я испуганно.

— Тихо, тихо, — улыбнулся он. — А почему глаза такие испуганные? Я ведь не на всю жизнь ухожу. Верно? — Он поцеловал меня, потом решительно поднялся и пошел к двери. — Ты меня любишь? — спросил он, не оборачиваясь.

— Конечно, я люблю тебя. Илья, можно я с тобой поеду? — повторила я жалобно.

— Со мной нельзя, — засмеялся он, посмотрел

через плечо и добавил серьезно: — Я тебя очень люблю. Ты знаешь. Очень. Пожалуйста, будь умницей и жди меня. А сейчас спи.

Он ушел, а я вскочила и долго бродила по квартире, не в силах успокоиться. Стояла возле окна, смотрела во двор и ждала... Это была первая жуткая ночь в моей жизни. Страх, тоска, отчаяние и долгая, долгая ночь. Казалось, она никогда не кончится. Потом таких ночей стало много.

В восемь утра позвонил Сашка.

— Илья арестован. Дела — хуже не бывает. Держись...

...Я вздрогнула, девушка поднялась из-за соседнего стола, стул скрипнул. Я перевела взгляд на газеты. Спокойнее, все это было давно, бледнеть и падать в обморок ни к чему. Держи себя в руках... В ту ночь Илья вел себя странно, более того, он со мной именно прощался. Он знал или просто чувствовал: что-то случится, что-то страшное разведет нас надолго или навсегда... Утром я поехала к Сашке и от него узнала, что Илья арестован по подозрению в убийстве Андрея.

— Его подставили, — белыми губами шептал Сашка. — Может быть, сами менты...

— Но убийство, Саша, Андрея действительно убили?! — кричала я.

— Убили. Андреем запросто могли пожертвовать... Кто такой Андрей?

В тот же день меня вызвали к следователю на первый допрос. Потом я все время путалась и меняла показания, впрочем, спасти Илью я в любом случае не могла: мои свидетельства суд в расчет не примет. А дальше началось самое страшное: Илья

отказался от встречи со мной, на суде вел себя спокойно, отстраненно, даже равнодушно, словно все происходящее его мало касалось, виновным себя не признал, а выслушав приговор, криво усмехнулся. В мою сторону ни разу не взглянул, а когда я отвечала на вопросы, что-то разглядывал в окне и вроде бы улыбался. Через два месяца настоял на разводе, и за все время — ни одного письма, ни одного свидания.

Я прикрыла глаза ладонью, задержала дыхание и уставилась в строчки газетного столбца. Женщина за соседним столом смотрела на меня с недоумением. Зря я сюда пришла, что я могу найти в старых газетах? Ответ на вопрос: что же случилось той ночью? Кто на самом деле убил Андрея и почему Илья меня бросил?

Тут я поймала себя на мысли, что в третий раз перечитываю один и тот же абзац. «Второго июня во втором часу ночи на улице Катинской, дом номер 7, совершено жестокое убийство...» Я прочитала заметку еще раз. Странно, об этом убийстве я ничего не слышала, впрочем, чего ж странного, не о том голова болела. В газете этому убийству отвели совсем немного места, хотя такое в нашем городе случалось редко: четыре трупа: хозяин, два его гостя и телохранитель, еще два тяжелораненых охранника скончались позднее, один по дороге в госпиталь, другой на следующий день в больнице. В заметке прозрачно намекалось на бандитские разборки. Никто из убитых знаком мне не был, я даже никогда о них не слышала. Интересно... Я тщательно просмотрела последующие номера газет... Ничего... Странно, кровавое убийство, в

общей сложности шесть трупов — и маленькая заметка в газете... зато об Илье писали много и обо мне тоже... Когда появилась идея «убийство на почве ревности», мне пришлось несладко... Знакомство с Андреем, работа над портретом, показания свидетелей. Анонимный доброжелатель позвонил по телефону, Илья поехал к другу с намерением задать ему пару вопросов, тот дал на них исчерпывающий ответ, Илья выхватил пистолет и дважды выстрелил... Чушь, господи, какая чушь... Да, наша история, как видно, произвела впечатление, во всех газетах публиковалось одно и то же... Впрочем, и кровавому убийству на улице Катинской некто В. Артемов посвятил довольно большую статью. Я стала ее читать, одновременно пытаюсь понять, почему она так меня заинтересовала.

В статье о самом убийстве говорилось мало, общие фразы о криминальной обстановке в стране и конкретно в нашем городе... Улица Катинская... где-то я видела такую табличку... что-то очень знакомое...

— Вы закончили? — Кажется, мне вторично задали этот вопрос, я не сразу сообразила, что стою возле стола библиотекаря.

— Да... — ответила я с трудом и пошла к выходу.

Черт, голова невыносимо болит... В машине я закурила, глядя на редких прохожих, и не спеша тронулась с места.

Знакомые улицы, проспект, универмаг, я свернула и не удивилась, оказавшись возле дома Андрея. Обычный двухэтажный дом с одним подъездом. На балконе, где он когда-то любил загорать на надувном матрасе, висело детское белье. Дру-

гие люди, другая жизнь... Только не для меня... Где, сказал парень, стояла моя машина? На углу Перекопской?

Я проехала еще немного и притормозила. Что ж, место выбрано правильно, приди мне в голову укрыть машину от посторонних глаз, отправляясь к Андрею, непременно оставила бы ее здесь. Только в ту ночь я никуда не уезжала, стояла возле окна, тарасилась в темноту и ждала мужа. А мой ночной собеседник утверждает, что видел мою машину здесь.

Я вышла и огляделась. Пересечение двух улиц, слева парк. Если в ту ночь Илья действительно был в парке, мог он видеть мою машину? Я немного прогулялась. Вот с этой аллеи ее хорошо видно... днем. А ночью? Здесь два фонаря, рядом с одним как раз сейчас стоит моя «девятка», вопрос: горит ли этот самый фонарь по ночам, а главное, горел ли он тогда, пять лет назад?

Допустим, Илья видел мою машину, ну и что? Некто сообщил ему грязную сплетню обо мне и Андрее?.. Господи, Илья никогда бы этому не поверил, даже если бы увидел мою машину не один, а сотню раз... Он простился со мной, уехал... а дальше — тайна за семью печатями.

Я вернулась к машине, взялась за дверцу и замерла, разглядывая дом напротив. Распахнутые окна второго этажа, горшки с геранью... тишина, провинциальный уют. Я хлопнула дверцей, прошла во двор и села на скамейку возле детской площадки. Мальчишка лет пяти с шиком проехал по луже на велосипеде, подняв море брызг, а я засмеялась, загораживаясь от них руками. Потом под-

нялась и пошла через двор, но не к машине, а прямо, к стареньким особнякам, тонувшим в кустах акаций. Когда-то я любила такие места, подолгу сидела в маленьких двориках, кормила голубей и рисовала.

На рисунках выходило всегда одно и то же: раскрытое окно, белая занавеска, герань и кусты акации.

Я облокотилась на деревянный палисадник, улыбаясь своим мыслям, подняла голову и увидела цифру «семь» над подъездом. Повинуясь безотчетному порыву, покинула двор, ища глазами табличку. Налицо был явный дефицит табличек на данной улице. Я прошла домов пятнадцать, прежде чем заметила надпись на одном из них: красной краской размашисто кто-то вывел «улица Катинская», а поверх красной надписи — оранжевая: «улица 8 Марта». Я присвистнула и пошла навстречу дворнику. Он не торопясь сгребал мусор возле контейнеров. Я извинилась и спросила:

— Не скажете, улицу давно переименовали?

— Да уж года три будет, — весело ответил усатый дядька с красным носом, прекрасно гармонировавшим с яркой футболкой и надписью через всю грудь на английском «Люби меня».

— А чем не угодило старое название? — улыбнулась я.

— По мне, что старое, что новое, все едино... Но умные люди, видно, по-другому думают. Катинская какая-то революционерка была, не помню, чем знаменитая, вроде застрелила какого-то царского генерала или еще кого... На первом доме доска висела с разъяснением, но я, честно сказать,

забыл, что там про это сказано было, хоть и читал. А так как революционеры теперь не в чести, доску сняли, и называемся мы теперь «8 Марта».

— Ясно, — покачала я головой. — Что ж, 8 Марта тоже неплохо.

— Неплохо, — отозвался он.

— А где седьмой дом, не скажете?

— Так вы от него идете, он в той стороне.

— Спасибо.

— А зачем вам седьмой дом? — вдруг заинтересовался дядька. — Там сватья моя живет...

— Давно?

— Второй год.

— Жаль. — Я опять остановилась, а дядька отставил метлу в сторону и взглянул на меня с интересом. — Хотела кое-что узнать о том убийстве... Может, слышали, пять лет назад в этом доме расстреляли людей из автоматов. Я из газеты, собираю материал.

— Как не слышать, слышал. — Интерес дядьки заметно упал. — И из газет приходили. Только чего узнавать-то? Давным-давно это было. Одни бандюги убили других, ну и... земля им пухом. Стрельба-то ого-го была, из автоматов пальнули... шесть трупов, страсть...

— Четыре трупа, — поправила я, — двое умерли в больнице.

— Все равно страсть, — сурово нахмурился дядька. — А вы женщина молодая, симпатичная, а такими историями интересуетесь.

— Так ведь работа у меня. — Я улыбнулась с возможной теплотой.

— Работа... знаете, как бывает: узнаешь чего лишнее — и того...

— Что того? — подняла я брови в крайнем изумлении.

— То и того... — зашептал дядька и даже по сторонам оглянулся: — Вон сосед-то, что в пятом доме жил, тоже вроде вас, любопытный. Говорили, видел кого-то в ту ночь, когда стреляли, ну и нашли его на третий день возле подъезда...

— Что, убили? — насторожилась я.

— А как же. Стукнули по голове, вот и все.

— Веселая у вас улица, — покачала я головой и развернулась на пятках. — Значит, седьмой дом я прошла? Что ж, придется вернуться, думаю, стоит взглянуть.

— Взгляните, ежели охота, — проворчал он мне в спину.

Я вернулась к дому номер семь. Особняк начала века, недавно перестроенный. Теперь, судя по табличкам на двери, здесь было четыре хозяина. Крохотные квартирki, большая общая веранда. Окинув взглядом двор, я направилась к машине, взглянула на часы, потом ускорила шаги и остановилась только возле подъезда Андрея. Две минуты до машины, еще четыре до дома, где жил Андрей. Ну и что? Какое отношение ко мне имеет это убийство? Никакого. Если не считать странного совпадения. Мою машину, которая должна была находиться на стоянке в нашем дворе, некто видел в ту ночь здесь. Если это правда, конечно.

Я вернулась к машине, завела мотор и поехала в сторону центра, решив где-нибудь перекусить. Слева возникло Управление внутренних дел, ог-

ромное здание с широкой лестницей и тремя колоннами. Окна второго этажа открыты, должно быть, в кабинетах жара, усидеть трудно. Увидев телефон, я затормозила, потом долго искала в сумке записную книжку и Севкин номер, взглянула на часы, в это время он должен быть на работе, если, конечно, не в отпуске. Севка был на работе.

— Дерин слушает, — лениво сказал он, а я, улыбаясь, ответила:

— Быть этого не может.

— Это ты? — Он вроде бы удивился, хотя, вероятно, было чему. Мы не виделись больше года, а не звонила я... в общем, давно. — Это ты? — повторил он.

— Это я, — пришлось согласиться мне.

— Голос веселый, я рад, что ты расправила крылышки. Готовишься?

— Да. Правда, точно не знаю к чему.

— Все будет хорошо, — заверил он.

— Само собой, — пришлось согласиться мне.

— Что-нибудь случилось? — Теперь Севка как будто встревожился. — Извини, трудно поверить, что ты вдруг позвонила просто так.

— Каюсь, не просто так. Может быть, встретимся, поговорим?

— Сейчас?

— А ты можешь сейчас?

— Господи, когда звонит такая женщина, я все могу, — хохотнул он.

— Здорово, значит, жду в кафе на площади, рядом с управлением.

— Через двадцать минут буду там, — заверил Севка.

Я вернулась в машину и поехала к площади, припарковаться там было невозможно, пришлось свернуть к парку и пристроить машину возле поликлиники.

В кафе было шумно, почти все столики заняты, на счастье, пока я крутила головой, высматривая себе место, стол в углу освободился, и я поспешила его занять.

Севка появился через десять минут. Улыбнулся мне и помахал рукой, я тоже улыбнулась в ответ, наблюдая, как идет он навстречу, уверенный, спокойный. Короткая стрижка, светлые волосы, неизменные джинсы, рубашка с короткими рукавами по случаю жары. Карие глаза смотрят весело, широкий нос, едва приметный шрам над верхней губой... Мы катались на коньках, дурачились, хлопнулись в сугроб. Я вырвалась и побежала, он вскочил следом, не удержался на ногах, упал и рассек губу. Я едва не лишилась чувств, увидев его окровавленное лицо. Потом мы поехали в травмпункт, где Севке наложили два шва, всю дорогу, туда и обратно, он старательно меня успокаивал, зажимая рот красным от крови платком, и чувствовал себя виноватым...

— Привет. — Он наклонился и поцеловал меня, потом сел напротив, взял мою руку, сжал, поднес к губам и долго смотрел мне в глаза.

— Прекрати, — улыбнулась я, освобождая ладонь. — Твоей жене это бы не понравилось.

— Мы развелись.

— Серьезно? — растерялась я.

— Конечно.

— Сашка мне ничего не говорил.

— А он и не знает. В общем-то, официально мы еще муж и жена, но... я снимаю квартиру и чувствую себя холостым... Ладно, про меня неинтересно. Как ты?

— Никак.

— Отлично. Ты его ждешь. — Севка не задавал вопрос, он просто сказал, вздохнул, посмотрел в окно, а потом улыбнулся мне.

— Конечно, — ответила я. — А что я могу еще делать?

— Не очень хорошие дела, а?

Я засмеялась.

— Я всегда утешаю себя тем, что могло быть еще хуже, ну и, конечно, после подобного утешения дела становятся еще хуже.

— Что случилось? — спросил он серьезно.

— Мне звонит по ночам один тип, я не знаю, кто он, думаю — друг Ильи. Сегодня вдруг сказал, что в ту ночь, когда арестовали Илью, он видел мою машину на перекрестке Перекопской. Я поехала туда и... Слушай, ты знаешь об убийстве на Катинской пять лет назад?

— Постой, при чем здесь это? — не понял Севка.

— Знаешь?

— Разумеется, я им занимался. И что? Какое оно имеет отношение к твоей машине?

— Никакого, если не считать того, что через двор от Перекопской, где стояла машина, до дома номер семь по Катинской две минуты ходьбы.

— И что? — снова не понял он.

Я пожала плечами:

— Не знаю. Назовем это интуицией.